

Дан Берг

Разрешите представиться: Левиафан

*Нельзя упускать из виду и того,
что я, невзирая на все мои очевидные необыкновенности,
все же вовсе не полностью выбиваюсь из ряда.*

Ф. Кафка, “Исследования одной собаки”, перевод Ю. Архипова

Глава 1 Происхождение и известность

Я – левиафан. В настоящей повести я намерен дать читателям исчерпывающее представление о своей персоне. Очень многие слышали мое имя и поэтому до некоторой степени осведомлены о занимаемом мною месте в истории. Уверен, предварительные сведения, хранящиеся в просвещенных головах, вовсе не ослабят внимание к рассказу, но, напротив, подогреют читательский интерес.

Моя уверенность имеет достаточно веские основания. Во-первых, всякий, мнящий себя человеком умным, а таковых подавляющее большинство среди овладевших искусством чтения, будет стремиться к расширению своего кругозора, приобретая знания из первых уст. Во-вторых, просвещенные читатели непременно захотят отряхнуться от одуряющего действия недостоверной, избыточной и липкой, или, как теперь принято говорить, фейковой информации, дабы узреть истинную картину событий, отражающих мою выдающуюся роль в сотворенном Господом мире.

Итак, будем опираться на факты. В пятый день Творения Бог населил воду и воздух живыми существами по роду их. Воду Он отдал рыбам, а небеса – птицам. Разговор о крылатых состоится ниже. Сейчас важно отметить, что моря, реки и озера наполнились всевозможной живностью. В числе морских обитателей был и я, левиафан. Гигантские габариты тела стали главенствующим признаком моей особы. Величиной я превосходил тогда в прошлом и затмеваю ныне в настоящем всех водных, воздушных и сухопутных тварей.

Мудрецы различных конфессий представляли меня то китом, то драконом, то крокодилком, то рыбой. В какой бы ипостаси меня не изображали, руководящая идея всегда была одной и той же – акцентировать внимание на моих феноменально больших размерах. Ведь именно они, по сути дела, и являются определяющим фактором моего предназначения.

Забегая вперед, я должен сказать, что представляю собой существо уникальное и не имею подобных себе. Я не вписываюсь в классификацию Карла Линнея и занимаю особое место в морской фауне. Хоть мне и боязно поправлять мудрецов, но ради торжества истины я делаю сей мужественный, однако рискованный шаг. Я утверждаю, что не являюсь ни китом, ни драконом, ни крокодилком, ни рыбой. Я просто левиафан.

Коли уж я заговорил об истине и ее торжестве, то считаю не лишним сделать декларацию, объясняющую стремление разорвать густую завесу слухов и домыслов, окутывающих мою незаурядную личность. Многовековая работа фантазии почтенных мудрецов и их преданных учеников, а также не самые лучшие опусы фольклора, занесли в дебет моего реноме образ вечного злодея, противостоящего доброй воле Бога.

Уверяю вас, благодарные читатели, что такое представление есть не более чем фальшивый стереотип, своего рода моральная стигма. Чуть-чуть терпения, и с фактами в руках я сумею убедить вас в этом.

Слава, хоть дурная, хоть добрая, хороша уже тем, что она воздвигает своеобразный нерукотворный памятник своему субъекту, гарантируя одного от забвения. Как выяснилось, я не напрасно предчувствовал, что в бесконечной череде моих жизненных лет лживые языки наметут к пьедесталу левиафанова монумента кучу мусора, который я намерен смести ураганом настоящей повести.

В подтверждение моей небывалой величины я приведу сохранившиеся с прошлых времен записи капитанов морских путешествий, взятые из судовых журналов.

Вот одно из любопытных свидетельств. “Мы уже много дней пребываем в открытом море. Недавняя продолжительная буря чрезвычайно утомила экипаж. Моряки жаждали отдыха, хотя бы короткого. На наше счастье впереди показалось пятно суши. Подплыв ближе, мы узрели остров, к сожалению, почти лысый – ни деревья, ни кусты не росли на нем, только пучки молодой травы пробивалась то тут, то там. Нас удивило, что почва целиком состояла из песка, какой залегает на морском дне. Команда сошла на сушу. Мы развели костры, и принялись варить уху из свежельовленных рыбешек. Люди наслаждались покоем. Ветер совершенно стих, оставшиеся на судне вахтенные матросы убрали паруса, и корабль почти не двигался. Вдруг мы почувствовали некоторое необъяснимое шевеление почвы под собой. Все вскочили на ноги – неужели землетрясение? Наш остров начал стремительно уходить под воду. Какое счастье, что мы находились неподалеку от нашего судна! Вплыв мы добрались до него. Вскарabкавшись по веревочным лестницам на палубу и облегченно вздохнув, мы оглянулись – никакого острова не было и в помине”.

Конечно, дорогие мои читатели, вы уже догадались, что тем мнимым островом, на котором утомленные бурей моряки сделали привал, была моя спина. Разумеется, не случилось никакого землетрясения – просто я нырнул под воду! Великаны хороши, если на них смотреть издали и держаться подальше.

Капитан другого судна записал в своем журнале, что однажды после захода солнца, когда небо было затянуто облаками, скрывавшими ночные светила, низко над горизонтом показались два огня, они приближались и росли, превратились в белые яркие пятна, словно две полных луны пробили своим светом туманную пелену. “Как неожиданно появилось чудное видение, так же внезапно и исчезло оно с наших глаз!” – изумлялся беспрецедентному случаю в своей практике много повидавший на своем веку мореход.

Никакого чуда, однако, не произошло! Это я, левиафан, шутейно высунул голову из морской пучины на минуту-другую с намерением поглядеть, что за корабль вторгся в мои владения. А две ослепительных луны – то мои огромные глаза освещали море и небо. Я не противник свободы мореплавания, однако люблю иной раз пошутить над нарушающими мой покой корабельщиками, изумить людей. Есть у меня такая слабость.

Теперь я вернусь к предмету моей всемирной известности, о которой я упомянул в начале сей повести. Будучи созданным на пятый день Творения, я довольно скоро стал весьма значимым персонажем легенд и мифов разных племен земли. Как сказано мною выше, фольклор не способствовал распространению адекватного знания обо мне. Хотя, надо заметить, литературное народное творчество, хоть и было в определенной степени фальшивым, имело одно бесспорное достоинство, а именно: оно содействовало популяризации моего имени, а это чего-нибудь да стоит! В конечном счете, хрупкая ложь рушится под натиском правды, а слава незыблема в веках!

Для примера взглянем на фольклорные представления, сложившиеся обо мне в одной отдельно взятой стране, где я, левиафан, получил прозвище Чудо-Юдо. Меня изображали то многоглавым океанским драконом, то гигантским водным змеем, то Морским Царем. (Последнее прозвание выглядит не худо!) Утверждалось, что огнем из ноздрей я сжигал города и деревни, а могучим хвостом убивал противников – людей, якобы, честных и набожных. Позднее, когда досужие сочинители овладели письмом и с великим рвением принялись марать бумагу, они нарекли мне имя “рыба-кит” и утверждали, что я разлегся поперек моря, на хвосте моем шумит сыр-бор, на спине село стоит, и проглотил я три десятка кораблей. Пусть их, щелкоперы, выдумывают небылицы. Враньем своим они полезны мне.

Замечу: легенды о левиафане существовали во многих, порой весьма отдаленных друг от друга странах. Предания, переносимые путешественниками из конца в конец земли, оседали в разных краях, частично видоизменялись и становились местным достоянием. Это обстоятельство указывает нам, что производящая ныне много громкого шума пресловутая глобализация не является приметой исключительно новейшего времени, но проистекает из глубокой древности.

Моя известность не только ширилась по миру, но и углублялась интеллектуально. Появилось философическое сочинение, в коем левиафану отводилась роль символа государства, без которого людям обойтись никак нельзя. И почему, спрашивается, именно мне выпала подобная честь? А потому, что в дезориентированном массовом сознании я хоть и выгляжу порочным, но, тем не менее, я известен как персона неуязвимая, необычайно сильная и абсолютно необходимая человечеству. Вот вам и государство!

Названные выше совершенства проистекают, якобы, из моей злой природы. Я усматриваю тут намек на парадокс достоинств, которые, будто бы, являются продолжениями недостатков. Однако я не согласен с этой сентенцией: достоинства могут быть врожденными или благоприобретенными, но вовсе не обязательно берут начало в недостатках. Мой пример – наглядное тому подтверждение.

Популярность моя нарастает как пущенный с горы снежный ком. Теперь имя левиафана звучит в фантастических и детективных романах, кинофильмах, телевизионных сериалах. Даже военные корабли гордо зовутся “Левиафан”.

Глава 2 Личные совершенства

Теперь, когда названы обстоятельства происхождения левиафана, и стало легко и просто представить себе мировой размах его известности, настало время поговорить о моих совершенствах. Что можно добавить к абсолютному? Ничего!

Не стану распространяться о малых положительных черточках характера, хотя таковые важны и вполне могли бы составить предмет гордости существа менее значительного, нежели я. Речь пойдет о фундаментальных основах моей личности – о величине, силе, красоте, уме.

С того времени, как Господь сотворил меня, минули пять-шесть тысячелетий. Срок немалый, не так ли? Тем не менее, я до сих пор размышляю о своих совершенствах и вот в каком плане: какие из них есть подарок Господа, а какие я приобрел самосильно? Пользуясь случаем, я приглашаю читателей подумать над этим вопросом вместе со мной.

Мне вспоминается старинная повесть об одном праведном человеке из земли Уц, коего звали Иов. Принято считать, что книга о нем посвящена испытаниям, которым Господь подверг прочность веры раба Его. Не исключено, что это, отчасти, верно.

Чтобы открыть взору Иова свою уникальную позицию в мироздании как Творца и, следственно, непреложное превосходство над всеми Его творениями, Господь дает верноподданному рабу наглядное представление о мощи сотворенных Им великанов – левиафана, а также бегемота (рассказ о котором впереди). Мысль Бога состоит в том, что никто из смертных людей, включая и самого Иова, не в состоянии ни вдохнуть жизнь в могучего гиганта, ни умертвить его, и только Ему такое под силу.

Иными словами, Всевышний избрал весьма эффективный, как мне кажется, путь наставления Иова, а именно, посредством демонстрации моей левиафановой мощи. Я убежден, что главная идея книги заключается в том, чтобы показать двуногим тварям, то бишь вам, дорогие читатели, сколь значителен и прекрасен левиафан.

Описание моей огромности начинается с пустяков – никак нельзя вытянуть меня из воды удой (еще бы!), и связать левиафана не получится, и для праздных игр, словно с пташкой, я совсем не подхожу. Констатируется, что я не то создание, которое станет униженно молить о чем-либо, или изъявит готовность продаться в рабство. И вообще, любые компромиссы совершенно чужды моей гордой натуре.

Бог отмечает красивую соразмерность моих членов. Я – Его создание, и Он вправе гордиться эстетическим результатом своего творения. Мимоходом замечу, что, не смотря на изящество и привлекательность моей внешности, не рекомендуется вступать со мной в слишком близкий контакт.

Если открою я пасть мою, то обнажатся два ряда ужасных зубов. Чешуя на теле – не просто красивый покров, но мой непробиваемый щит. Столь плотно прилегают друг к другу блестящие чешуйки, что даже ветер не просочится меж ними. Ни меч, ни копье, ни стрела, ни дрот – никакое оружие не проникнет сквозь надежную защиту. И никто на земле, кроме Господа, не властен над моею жизнью, не может убить меня!

Описывая Иову мою неуязвимость, Бог не забыл сообщить о моей способности извергать из пасти огонь, а из ноздрей дым. Упомянуты Им и огромные светящиеся глаза на голове, озаряющие темными ночами море и небо. Всевышний, преследуя свою цель в отношении Иова, привел ему еще целый ряд подробностей о моей персоне, которые любознательный читатель может самостоятельно почерпнуть из Библии.

Сотворив левиафана, Господь чудно разнообразил животный мир земли. Запечатлев же мой образ на листах книги, Он подарил людям представление о моем величии и, тем самым, раздвинул духовный горизонт человечества.

В этом пункте рассказа мне необходимо сделать одно важное уточнение. Опасность для людей некоторых моих свойств или способностей, как, например, зубов, огня или дыма, носит гипотетический характер, ибо вследствие природной доброты, я никогда не употреблял во зло человеку дарованные мне сверхвозможности.

Я довел до читателей сведения обо мне из первоисточника, пересказав речь Господа. Нет смысла обсуждать слова Бога на предмет достоверности, ибо абсолютно неоспорима аутентичность информации, полученной из уст Всевышнего. Предупреждая возможность скепсиса, я решительно заявляю: описанные в Книге книг свойства моей персоны не являются предметом веры, они есть реальность, которую следует принять как объективную данность.

На заложенном в Ветхом Завете фундаменте были возведены этажи новых знаний о левиафане. Не обладая исконной точностью и, порой, греша благонамеренным враньем, труды мудрецов различных конфессий вместе с произведениями фольклора обогатили, тем не менее, науку левиафанологию.

Специально для адептов иудейской веры я хочу привести одну интересную подробность – если полагать меня рыбой, то я, левиафан, есть рыба бесспорно кошерная, ибо обладаю чешуей и плавниками, золочеными и сияющими. Мое отношение к факту собственной кошерности двоякое. С одной стороны, я вместе с народом, избранным Богом себе на радость, благодарно принимаю сей знак уважения. С другой стороны, я тревожусь о своем будущем, то бишь о предположительной возможности моего предназначения в пищу. Впрочем, вопросы питания будут рассмотрены мною ниже.

Ради торжества объективности я намерен сделать одно весомое заявление. Пусть кому-то левиафан покажется нарциссистом, но я, не стыдясь, говорю, что с пятого дня Творения, когда своею созидательной силой Господь создал меня, и до дня нынешнего, я неизменно влюблен в самого себя, и никакой хулы на мою персону не могу выносить спокойно.

Что конкретно я имею в виду? А вот что. Некто недостойный, из фальшивых мудрецов, разумеется, утверждал, что плоть левиафана источает отвратительный запах. Хуже того, окажись я в раю, никто из праведников не вынес бы зловония и не смог бы там находиться. Чуть несусветная! Разве позволил бы ангел Михэль, старший над раем, появиться мерзости в его владениях?

Истина же состоит в том, что я пахну этрогом, и сей волшебный аромат вызывает чувство экстатического восторга у всякого, кто решится приблизиться ко мне. Наслаждаться благоуханием гигантского моего тела можно не одну неделю в году, как в случае с прекрасным плодом в праздник Суккот, но круглый год, то есть всегда и без перерыва!

Я осведомил читателя о моей незаурядной силе. Далее я представил его просвещенному взору свой словесный автопортрет, дабы он удостоверился в том, сколь я красив. Но разве эти два совершенства исчерпывают полноту личности? Разумеется, нет! Только триада достоинств – сила, красота, ум – будучи соединенными в одной персоне, делают ее истинно выдающейся. Итак, подошло время рассказать людям о блистательности моего ума.

Мне припоминается следующий случай. Как-то раз до меня дошел слух о хитрости обитающей на суше лисы. Конечно, я сознаю как явление априорное свое абсолютное умственное превосходство над всеми земными, небесными и водными тварями. И все же я допускаю, что вполне могут существовать и даже быть для меня полезными отдельные проявления изобретательности, миновавшие мой мозг, но случайно проникшие в голову какой-либо живности. Я не самодовольный спесивец, не узколобый зазнайка, мой ум открыт для новизны.

Я призвал к себе водных обитателей, заслуживших репутацию умников среди рыбьего народа. Трепеща от страха и пыжась от гордости, они приготовились слушать речь своего Морского царя. Я сказал им кратко: “Мне стало известно, что лиса, сухопутный зверь, обладает определенной степенью хитрости. Я не прочь поучиться у нее, а для этого мне придется съесть ее сердце. Отправляйтесь в путь и приведите мне лису. Прошу вопросов мне не задавать!” Снаряжая посланничество, я осознавал неразрешимость задачи и имел лишь намерение поразвлечься, не более того. Само собой разумеется, я не собирался вкушать лисье сердце.

Далее я с интересом наблюдал, как озадаченные рыбы держали меж собой совет. Цель я поставил перед ними непростую. Лиса обитает на суше, а они невольники воды. Как отыскать ее, как заманить, как довести до меня в сухости и сохранности, чем заинтересовать? “Пусть-ка пошевелят мозгами!” – сказал я себе.

Я намеревался получить двойное удовольствие. Во-первых, насладиться глупостью как умных рыб, так и хитрой лисы. Мне всегда отрадно сравнивать свои и чужие мыслительные способности, чтобы неизменно приходиться к выводу о собственном превосходстве. Во-вторых, в случае, если рыбы и лиса и впрямь продемонстрируют что-либо путное, то я с приятностью для себя оценю это, и, возможно, поучусь.

Мой план вполне осуществился. Через некоторое время рыбное посольство вернулось не солоно хлебавши. Поникнув гордой головой, умнейшая из умных поведала мне историю духовных подъемов и спадов. Вот как было дело.

Посредники приплыли к берегу. В рыбьих мозгах уже вызрела концепция переговоров. Лиса сидела на песке и, казалось, была погружена в размышления, но, что более вероятно, она поджидала какую-нибудь мелкую рыбешку – та зазевается и станет добычей рыжей хищницы.

“Послушай, лиса, - сказала патронесса депутации, - мы прибыли к тебе с предложением, которое тебе трудно будет не принять!” Лиса ничуть не удивилась говорящей рыбе и сама промолвила: “Я вся внимание!” Рыба продолжила: “Наш царь, мудрый левиафан, подступил к пределу мирских дней своих и готовится умереть. Он наслышан о твоём, лиса, уме и только тебе готов передать корону. Не согласишься ли ты отправиться с нами к левиафану, дабы предстать перед ним, познакомиться, а затем воссесть на трон?” Польщенная лиса воскликнула: “Да, я хочу быть владычицей морской, но как же я, создание сухопутное, стану жить в окияне-море?”

Готовая к такому вопросу, рыба ответила: “Дворец твой будет расположен не под водой, а на острове, и привезем мы тебя на наших спинах, так что ты не замочишь даже кончиков лап, и хвоста роскошного влага не коснется!”

Лиса поверила, взобралась на спину к одной из рыб, и посланцы мои заскользили по водной глади. Пока мы видим, что до сего момента хваленая лисья смекалка оказалась не более чем мыльным пузырем. Но зато рыбы проявили известные дипломатические дарования. Теперь слушаем продолжение истории.

Волны накатили на незадачливую лису, и она заподозрила обман. “Скажите честно, что вы задумали?” – возопила рыжая, обращаясь к своим похитителям. Те же, преждевременно радуясь удачному трюку, принялись дразнить ее: “Левиафан захотел занять у тебя ума, а для этого ему нужно съесть твое сердце. Приготовься, Патрикеевна!”

В угрожающих жизни экстраординарных ситуациях мозг начинает работать с двойной силой, демонстрируя необычайную изворотливость. “Милые рыбы, - воскликнула рыжая бестия, - как жаль, что вы не открылись мне с самого начала! Ведь мы, хитрые лисы, охотимся, спрятав

сердце в укромном месте, потому как бессердечная охота гораздо успешнее. Вы захватили меня врасплох, и сердце сейчас не при мне. Как мне жаль, что я не принесу пользы великому левиафану!”

Рыбы растерялись. “Научи, что нам теперь делать!” – взмолились они. “Пожалуй, стоит поступить следующим образом, - воскликнула лиса, почувствовав себя хозяйкой положения, - сейчас везите меня обратно, я достану из тайника сердце, и тогда мы снова поплывем к дворцу владыки!” Следуя бескорыстному совету, ошачливленные рыбы помчались к берегу с необычайной быстротой.

Честная компания вернулась на старое место. Мигом спрыгнула лиса с рыбьей спины на сушу, и тут уж была плутовка такова. Отойдя на три шага от воды, принялась рыжая насмехаться над глупыми рыбами. Те поняли, что попали впросак, и, кислолицые, вернулись ко мне, словно в воду опущенные, что, впрочем, не удивительно, если принять к сведению их естественную среду обитания.

Как видим, вторая половина миссии поменяла местами персонажей сей истории. Лиса, говоря языком спортивного жаргона, сумела вернуться в свою лучшую форму, зато рыбы проявили себя существами совершенно неразумными.

Рассказ умнейшей из умных немало позабавил меня, ибо предоставил мне сладостную возможность в очередной раз осознать свой непреложный интеллектуальный перевес. Ощущение умственного превосходства есть великое удовольствие. Плата за него – вкушать неизбежную зависть аутсайдеров.

Теперь вы убедились, благодарные мои читатели, что левиафан является истинным лидером во всех видах необъявленного троеборья – сила, красота, ум. (Я, кажется, пристрастился к упомянутому жаргону).

Глава 3 Социальные связи

Сотворенная Господом фауна бесконечно многообразна. Если взглянуть на разнородный животный мир общо, то я, левиафан, являюсь всего-навсего одной из множества единиц Творения. Однако при ближайшем рассмотрении своеобразных черт моей особы, а также при сравнении ее с другими подданными зоологического царства, нельзя не отметить мое абсолютное превосходство в величине, силе, красоте и уме.

Личные совершенства, кои выделяют меня из пестрой толпы плавающей, летающей и передвигающейся посуху публики, были наглядно продемонстрированы выше. Достаточно сказать, что слово “левиафан” стало нарицательным для обозначения всех родов достоинств.

Теперь я спрашиваю вас, смекалистые читатели, а может ли столь выдающееся существо, каковым являюсь я, жить одиноко, или, пользуясь языком науки, пребывать в социальной изоляции? С удовлетворением я слышу категорический ответ громкоголосого хора: “Нет!”

Разумеется, я вступаю в общение со многими живыми тварями. Я знаюсь с рыбами – водными обитателями, с сухопутным зверьем и с птицами, небесам приверженных. Но это не всё! Мне есть что рассказать о моих непростых взаимоотношениях с ангелами и о контактах с пророками. И, чем я горжусь в особенности, случаются у меня и эпизодические встречи с Богом. Эпизодические по частоте, но никак не по значению!

Таким образом, мои социальные связи весьма разнообразны. Порой, они меня забавляют, иногда утешают, изредка огорчают. В чем я до конца уверен, так это в том, что неизменным результатом коммуникации становится духовное и физическое совершенствование моих оппонентов. Это и не удивительно, ведь у умного учатся, красивому подражают, за превосходящим силой тянутся.

Мой грустный долг заявить, что прогресс левиафановых партнеров отнюдь не единственный результат упомянутой коммуникации. С прискорбием сообщаю, что существует еще один и гораздо менее отрадный ее продукт. Это – зависть. Разумеется, не я завидую, а завидуют мне. Я последний, кого можно упрекнуть в таком положении вещей. Не я Создатель, не моею волею населены вода, земля и воздух рыбами, птицами и зверями, и сотворены оные не по моему образу и подобию.

Теперь я приступаю к систематическому изложению особенностей моих взаимоотношений с различными живыми существами. Думаю, будет естественно, если я начну с непосредственно окружающих меня обитателей водной среды.

Из предыдущей главы читатель частично осведомлен о моих общих с рыбами делах. Я имею в виду историю с неудачной попыткой морских обитателей доставить мне лису. Теперь я представляю новые интересные сведения о своих свершениях, хлопотах, размышлениях в качестве Морского владыки.

Людам, как существам сухопутным, отлично известны хищнические наклонности их однокорытников по среде обитания. Возможно, нравы морской братии им знакомы в меньшей степени. Зато я, абориген океанских просторов планеты, блестяще знаю повадки обладателей жабр и плавников. В водном царстве принята та же жестокая мораль, что и на земле. Сильные пожирают слабых, а те, в свою очередь, закусывают слабейшими. Юридическая основа поведения в морской пучине – право сильного. Укрепившееся право часто есть укрепившееся зло.

Господь не согласен мириться с беспредельным произволом. Всевышний призывает на помощь меня – Царя морей и верного Его эмиссара по делам рыбьей справедливости. Один раз в год Он приказывает мне извергнуть жар из пасти и ноздрей. Поступив по слову Его, я нагреваю воду в мировом океане почти до кипения. Столь решительное глобальное потепление окружающей среды охлаждает хищнический пыл крупных представителей водной фауны, а рыбам малого размера экстремальная температура вреда не приносит.

Если бы мы с Господом Богом не прибегали к крутым мерам, то довольно скоро почти вся мелюзга оказалась бы перед угрозой полного исчезновения, и рыбешки очутились бы в Красной книге. Подобное отчаянное положение привело бы к нарушению водного экологического баланса, что означало бы голодную смерть для крупных рыб. Тогда и их самих пришлось бы помещать в Красную книгу. В условиях наступившего безрыбья сохранились бы одни только раки.

Наша с Господом деятельность имеет моральную ценность, ибо умеряет низменные инстинкты созданных Им тварей. Одновременно эти усилия позволяют сохранить морскую фауну во всем ее многообразии пятого дня Творения.

Теперь я задаю вопрос знатокам животного мира морей, океанов, рек и озер. Кто из вас слышал о маленькой рыбке по имени “кильбит”? Никто? Не удивительно! Это миниатюрное создание

редкой красоты не известно ученым авторитетам, а его существование открылось лишь проницательности авторов беллетристической левиафанианы.

Кильбит проплывает мимо меня, обворожительно шевеля великолепными розовыми полупрозрачными плавниками. Она смотрит в мою сторону с почтением, но вполне независимо. Ее снабженные веками глаза выражают нечто вроде любви. Она опускает и поднимает черные длинные ресницы, и душа моя полнится платоническим счастьем. Между нами существует давняя взаимная привязанность.

Упомянутые проницательные авторы утверждают, что я якобы дрожу от страха перед кильбит. Смею вас заверить, почтенные сочинители, что левиафан никогда и никого не страшился. Оставьте ваши грязные намеки и не смейте подвергать сомнению безукоризненную чистоту наших чувств! А что касается страха, то я действительно боюсь, но только не кильбит, а за неё саму! Поэтому я выдал чаровнице охранное свидетельство, и прекрасной царевне нечего опасаться даже самых свирепых хищников. И все же сердце мое не вполне спокойно, когда малютка отплывает от меня на слишком большое расстояние, и я теряю из виду мою обожаемую Дульцинею, владычицу фантазии левиафана.

Общеизвестна моя красота. Она давно стала предметом восхищения и, к сожалению, завистливой досады. Бог сотворил меня существом прекрасным. Я счастлив этим, и не стану скрывать, что испытываю некое торжество, когда замечаю в глазах менее казистых особ искру зависти. Если это естественное чувство достойно порицания – порицайте меня! Я достаточно объективен, чтобы терпимо и с пониманием отнестись к критике. Будем благодарны тому, кто говорит нам о наших недостатках, ибо он учит смирению.

Я не случайно затеял разговор о красоте и неизменно сопутствующей ей зависти. Скажу честно и без утайки – я не единственный красавец в океане. Хорошо знакомые всем дельфины почти не уступают прелестью левиафану. И в некотором смысле превосходят его. Тела и головы их имеют изумительно форму и пропорциональные размеры. Пасти ничуть не страшны. Глаза излучают доброту и игривость. Они не только пригожи, но и умны. Как они взлетают над водой и как грациозно ныряют обратно! А кто еще из живых существ может так успешно поддаваться дрессировке!

Я полагаю дельфинов достойными своими партнерами в части внешности и интеллекта. И представьте себе, дорогие читатели, я не испытываю зависти. Наоборот, я рад за товарищессю. Я противник монополий и выступаю за честную конкуренцию во всем. Думаю, благородство – еще одна замечательная черта, заложенная во мне самим Господом.

Чтобы довести до сведения читателей характер моих взаимоотношений с обитателями суши, мне первым делом потребуется вернуться к книге Иова, где представлен портрет гигантского животного по имени “бегемот”. Смысл контекста в отношении этого великана тот же, что и в случае с левиафаном. Бог изображает бегемота как существо огромного размера и необычайной силы. Цель Всевышнего прежняя – продемонстрировать рабу своему непререкаемое величие Творца: только Он способен создавать и умервлять столь невероятных по величине и силе тварей. Смертным, включая самого Иова, подобные деяния не под силу.

Господь сообщает Иову, что сила бегемота в чреслах, а мощь – в мускулах живота. Хвост его подобен стволу кедра, хребет несокрушим как труба медная, а кости крепки, словно прутья железные. Никто из людей и никаким орудием не способен ранить исполина. Для иллюстрации громадности бегемота Бог уведомляет Иова о чудовищных кулинарных обыкновениях зверя. Подробнее об этом предмете речь пойдет ниже.

Сейчас мне важно оспорить выдумки некоторых мудрецов о моем мнимом соперничестве с бегемотом. Досужая фантазия недобросовестных сочинителей всевозможных баек приписывает нам, двум достойным друг друга великанам, исконную вражду и перманентную войну. Дело дошло до откровенной лжи. Утверждается, что однажды мы сошлись в яростной схватке и смертельно ранили друг друга: я орудовал клыками, а мой противник – хвостом, после чего мы оба упали замертво. Ничуть не лучше и утверждение, будто бы бегемот превосходит силой левиафана.

Сочиняя и публикуя вздор, шелкоперы лгут, себя не помня. Даже тот очевидный факт, что с самых дней Творения и поныне мы с бегемотом живы и здравствуем, каждый в среде своего естественного обитания, не способен уничтожить рудименты веры печатному слову. Ошибаетесь вы, люди, говоря, мол, вранью короткий век. Большая ложь живуча. Правда же состоит в том, что отродясь никаких бранных дел у меня с бегемотом не было. Мы не дружили, но и не враждовали. Сила уважает силу. В следующих главах я буду касаться реальных проблем наших взаимоотношений.

На земле имеется особый вид исключительно крупных антилоп, рога которых подобны саблям. Кажется, сии безобидные вегетарианцы носят имя “орикс”. Я люблю этих травоядных: во-первых, не смотря на свои значительные размеры, они не чета мне величиною, а, во-вторых, я испытываю к ним жалость – уж больно бедственна их супружеская жизнь. Подробнее вопрос будет рассмотрен позднее, а сейчас я только афористически замечу, что собрат по несчастью всегда мил. Иногда я беседую с ориксом во время его водопоя. Пожалуй, мы добрые товарищи. Наслаждение общением – главный признак дружбы.

Есть у меня еще один друг на земле, друг виртуальный. Зовут его орангутанг. Существо это внешним видом весьма походит на людей, то бишь на вас, благодарные мои читатели. Он более смышлен, чем красив, и менее свободен, нежели горемычен. Иными словами, перед нами образ совершенно несчастного создания.

Лично я с орангутангом не знаком, но испытываю к нему самые добрые чувства, сострадаю и мысленно подбадриваю, ибо я всегда стою за правое дело. Жизнь и судьба его незавидны. Из книг мудрецов мне известно, что обитает он в поле. Жизненное пространство орангутанга имеет форму круга радиусом равным длине пенькового каната, один конец которого охватывает шею бедолаги, а другой крепко-накрепко привязан к глубоко и прочно вкопанному в землю каменному столбу.

Канат сей, лишаящий животного свободы, тем не менее не враг ему, а друг. Волокна той пеньки особые, и исполняют роль жизненной нити. Поэтому орангутанг не пытается разорвать путы. Зато безжалостные охотники-браконьеры сотнями выпускают из луков стрелы, покуда одна из них не расщепит канат, и тогда орангутанг погибнет и станет несправедливым охотничьим трофеем.

А теперь возведем очи к небу и посмотрим, нет ли в вышине достойного мне аналога? Оказывается, есть! Существует в природе птица огромной величины, и имя ей – “зиз”. Это пернатое творение ногами упирается в дно океана, а голова его пребывает высоко-высоко в Небесах.

Давайте сравним форму и размеры тела левиафана и птицы зиз. Я воистину громаден, и при этом все три измерения моего корпуса сопоставимы. Конституция зиз совершенно иная. Высота

существенно преобладает над двумя другими габаритами. Не сомневаюсь, что мое сложение предпочтительнее и много эстетичнее.

Поскольку ноги зиз стоят на океанском дне, то есть в моей среде обитания, я иногда подплываю к птице и вступаю с ней в беседу. Надо сказать, что разговор у нас зачастую не клеится. Голова ее находится страшно высоко, и поэтому звук от меня к ней и от нее ко мне долетает со столь большой задержкой, что мы, иной раз, успеваем забыть вопрос или ответ. Наша речь должна быть весьма зычной, иначе из-за большого расстояния угаснет громкость отдельных слов, и тогда диалог станет напоминать разговор двух глухих.

То обстоятельство, что голова птицы теряется в заоблачной выси, чрезвычайно важно для всех обитателей воды, земли и неба. Зиз видит всё происходящее на Небесах, сообщает мне, а я, в свою очередь, информирую прочих тварей. Еще одна полезная миссия зиз вот такая: в дни сильного зноя она широко расправляет свои колоссальные крылья, и тень спасает живность от палящих лучей солнца.

Расскажу еще об одном пернатом. Я с удовольствием встречаюсь и беседую с птицей по имени “холь” (теперь говорят “феникс”). Бессмертие – вот неотъемлемый ее атрибут. Она не без основания гордится своим роскошным оперением. Ее мыслительные способности восхищают. Красота и ум холь вполне соизмеримы с моими. Мы оба рады общению с равным по масштабу партнером.

Мною сделано немало критических замечаний в адрес мудрецов, высказывающих, порой, некомпетентные мнения. Однако в том, что касается птицы холь, они оказались на высоте положения, и я, со свойственной мне беспристрастностью, признаю это. Мудрецы совершенно справедливо утверждают, как каждые тысячу лет холь сгорает от чрезмерной солнечной радиации, но всякий раз перед гибелью она успевает снести яйцо. Из него вылупляется птенец, по существу, та же самая птица, которая только что погибла, а теперь начинает жить сначала.

Птенчик быстро обрастает великолепными перьями, красивее прежних. Взрослея, новая птица холь становится умнее своей предшественницы, то бишь себя самой в прошлом, ибо смотрит на мир свежим взглядом, сохраняя при этом накопленный в прежних жизнях опыт.

Мудрецы толкуют бессмертие холь следующим образом. Первая женщина, Хава, которую упрямо называют Евой, в нарушение слова Господня ела от дерева познания, да еще и угощала ароматным фруктом всех тварей вокруг себя. Только холь отказалась от подношения. Она не вкусила запретного плода и поэтому, в отличие от прочих, не узнала, что такое смерть. Вот где кроется тайна ее вечной жизни.

Таким образом, мы видим, что Бог создал три гигантских существа: в воде левиафана, на земле бегемота, в воздухе – зиз. Только Ему под силу такое деяние. Иов, а за ним и всё остальное человечество, вполне оценили величие Господа.

Рассказ о моих социальных связях не был бы полным, если бы я умолчал о своих встречах с ангелами и с пророками.

Одно очень неприятное воспоминание нет-нет да всплывает в моем мозгу. Однажды Всевышний задумал избавиться от меня под тем надуманным предлогом, что якобы мои плоть и шкура должны сослужить полезную службу праведникам в райском саду. Бог отправил ангелов низкого статуса с заданием убить левиафана и мертвое тело доставить в рай.

Ангелы были вооружены мечами, копьями, стрелами. Железо ломалось о мою чешую как солома. Стрелы и камни отскакивали и возвращались к незадачливым крылатым воинам. Разумеется, затея провалилась, но осадок нерастворимой обиды осел на дне души.

Другое происшествие, связанное с похождениями пророка Ионы, тоже негативно отразилось на моих воспоминаниях. Вот как было дело. Однажды Иона попал в чрево к большой рыбе. Не дожидаясь, пока будет переварен в желудке, пророк заявил любительнице деликатесов, что пришла ее очередь быть съеденной левиафаном. Он добавил, что готов ее спасти, если она отпустит его на свободу. Та, разумеется, не оттолкнула руку помощи.

“Плыви к левиафану!” – скомандовал Иона. Когда рыба с пленником внутри прибыла ко мне, Иона, сидя в желудке, закричал громко, чтобы я услышал, мол, готовься, великан, сам Господь тебя намерен умертвить, и ты послужишь пищей для праведников. Я, понятное дело, пришел в ужас, ведь Всевышний – это не бездарные ангелы-воины, Он и впрямь способен убить меня. Я сорвался с места и, не теряя времени, спешно поплыл далеко-далеко, подальше от глаз Господа, и надежно спрятался. Счастливая рыба отпустила Иону. Но гадкие речи пророка, хоть и лживые, нанесли мне сердечную рану.

Глава 4 Вопрос питания

Любезные мои читатели! Все вы знаете, что съестное – это материальная основа жизнедеятельности всех существ. Нет смысла слишком долго распространяться о важности правильного и сбалансированного питания. Не только вы, люди, но и мы, твари Божьи, нуждаемся в полноценной пище.

Наше с вами существование представляет собою непрестанную борьбу как с коллизиями внешнего мира, так и со страстями внутри самих себя. Еда является источником энергии для ведения этой перманентной войны. Чтобы поддерживать боеспособность духа и тела, упомянутую энергию нужно не просто поглощать, но и припасать для грядущих схваток. Другими словами, хотим мы или не хотим, а без пищи и питья нам не скопить и не сберечь ни сил моральных, ни сил физических.

Приняв во внимание сказанное выше, я решил посвятить эту главу вопросу питания. Свое исследование я поделю на две части. В первой я коснусь отрадного и увлекательного предмета – прокормление созданных Богом гигантов. Здесь я намерен опираться на бесспорной правдивости первоисточники с добавлением собственных уточнений.

Вторая половина рассказа будет связана с травматической для меня темой. Я имею в виду упорно циркулирующие в талмудической среде слухи об использовании плоти гигантов, в том числе и моей плоти, в пищу обосновавшихся в раю праведников.

Люди добрые! Да разве я против беспорочности или хорошего аппетита? Но неужели ради содействия, а, точнее, потворствования этим прекрасным, если они умеренны, и уродливым, когда они гипертрофированны, свойствам ума и желудка, следует приносить в жертву и убивать лучшие творения Господа?

Итак, вновь обратимся к Книге книг. В одном из псалмов сказано совершенно справедливо, что все твари в воде, в небе и на земле ожидают пропитания от Бога. Хищники рычат о добыче, прося пищи себе. Для травоядных Господь растит зелень в изобилии. Ни рыбы, ни птицы не голодают. Наполняя водою реки и озера, Всевышний поит все живое. Ни на мгновение не

забывает Он повседневную надобность в пище и воде детищ своих, и для убогствования оных неустанно трудится Господь. Ибо Творение есть только начало мира, акт единовременный. Главное же – непрестанное поддержание жизни ради вечного продолжения ее.

Я, левиафан, и мой сухопутный коллега бегемот, получаем каждый свою долю еды и питья по милости Господа, и в этом смысле мы не являемся исключением из множества представителей фауны.

Что же я употребляю вовнутрь? Основу моего рациона составляют водоросли и прочие морские растения. Однако называть меня абсолютным вегетарианцем было бы ошибочно. Развивая науки, люди сравнительно недавно обнаружили, что для полноценного функционирования организма недостаточно одной только растительной пищи, но требуются вещества, содержащиеся в плоти животных и рыб. находка стала открытием для человеков, дай Бог им жить до ста двадцати, но не для меня. Добрых пять-шесть тысяч лет назад сия истина сформировала мои гастрономические обыкновения. Иногда, как припадет мне разговесться да поесть скоромного, я широко разеваю пасть, и рыбная мелюзга устремляется прямо в глотку.

Да, я поедаю рыбешек, но я не охочусь. Я не хищник. Я никого не принуждаю. Я поборник доброй воли. Мелкие рыбки по собственному желанию и к собственной радости совершают смелое деяние. Нет, не смерть им мила, они выбирают жизнь! Они не хотят оказаться в ничемном положении трофеев крупных хищников. Переварившись у меня в желудке, они становятся частицей моей, не сглазить бы, бессмертной плоти.

Я должен заметить, что сказанное мною в отношении поглощения животной пищи не относится к кильбит. Я не разверзаю рта, не убедившись предварительно, что моей Дульциней нет поблизости.

Мне бы хотелось отметить редкую и поэтому вдвойне отрадную корректность мудрецов, подчеркнувших в своих писаниях факт беззаветной добровольности в решении мелких рыб вступить в вечность через мою глотку.

Вместе с тем я осуждаю пророка Иону, прибегшего к нечистоплотному приему ради собственного спасения. Оказавшись в чреве огромной рыбыны, он солгал своей пленительнице, будто бы я намерен ее съесть, хотя знал, что я не ем больших рыб и вообще не применяю никакого насилия ради насыщения утробы.

Два слова о том, как я утоляю жажду. Я пью соленую морскую воду, но соль для меня не опасна. Мне приходилось слышать об изумительном вкусе пресной воды в реках и озерах. Я, морской житель, лишен возможности употреблять сей деликатесный напиток, но ничуть не горюю об этом. Безропотно и с полным пониманием я отношусь к тому естественному факту, что среда обитания неизбежно накладывает ограничения, которые надо принимать с благодарностью. Всякое ограничение осчастлиливает, ибо уменьшает заботы и опасения. Осознавая необходимость, мы ощущаем себя свободными.

Кстати, о пресной воде. Сухопутный гигант бегемот пьет только из реки Иордан. Мудрецы утверждают, что он выпивает за раз столько, сколько Иордан уносит в море за целый год. Да и такого количества ему не всегда хватает, и тогда он добавляет из реки, вытекающей из рая. Я думаю, что это характерное преувеличение чересчур эмоциональных сочинителей.

По свидетельству Господа Бога, бегемот ест траву как вол. Дотошные исследователи и составители жизнеописания сухопутного гиганта уточняют, что тысяча гор растят зелень для пропитания его. Возможно, так оно и есть, я не проверял.

Можно сравнивать величины наших с бегемотом тел, но как сопоставить мой и его аппетит? Какой мерой мерить количество поглощаемой нами пищи? Да и надо ли это делать? Зачем подталкивать к зависти два благороднейших существа? Мы хоть и животные, но ничто человеческое нам не чуждо. Давайте лучше сохранять статус-кво, и будем жить дружно. Тем более что над нами, уникально крупными творениями Господа, нависает общая беда, о которой я намерен говорить прямо сейчас.

Мы все под Богом плаваем, ходим, летаем. Нас сотворил Он, и Ему решать, как поступать с нами, грешными. Можно ли лаконично выразить беспредельно глубокий и необозримо широкий смысл сей истины? Разумеется, можно: “Смирение, смирение, и еще раз смирение”. Иными словами, наше дело немудрёно – принимать волю Творца и не роптать. Ноша легчает, когда несешь ее с покорностью.

Вроде бы все просто, но есть заковыка. Случается, что мы, обитатели морей, суши и неба, смеем рассуждать не в духе мнений толковников Господа. Тогда, забывая о смирении, мы виним Бога в несправедливости, и, да простят меня читатели утонченного воспитания за обращение к уличному жаргону, “качаем права”.

Увы, есть резонные основания протестовать. Обратимся к каноническому описанию пятого дня Творения. Книга учит нас, что Господь создал больших крокодилов. Так и сказано: “крокодилов”! Один из видных мудрецов далекого прошлого утверждал, что крокодилы – это левиафаны, и предназначены они в пищу праведникам. Завороженные авторитетом прославленного сочинителя, его преемники, светильники разума, так сказать, подхватили и развили сию более чем спорную идею, нанизывая на нее вздорные подробности. У меня претензия к Всевышнему – почему промолчал и не внес ясность?

А вот другой пример. В одном из псалмов содержится утверждение, что якобы Господь размозжил голову левиафана, а плоть его отдал на съедение народу, обитателю пустыни. Это же явная ложь и не менее очевидный популизм! Бог дал мне жизнь, а не смерть! Я жив и поныне, и своим существованием опровергаю недостойный вымысел. Но опять Всевышний не вмешался и не опроверг фейковую информацию.

Здравый смысл принимает во внимание только факты и протестует против выдумок. Однако назойливое пропагандирование негодных воззрений делает свое дело, замутняя общественное сознание и настраивая его против меня. Тревожит ничем не объяснимое отмалчивание Господа. Безмолвствовать – не значит быть немым. А вдруг и на Него окажут действие пустопорожние рассказы горе-толкователей?

Что же конкретно говорят талмудисты о предназначении моей плоти? Они утверждают, что когда придет Спаситель, я буду умерщвлен, разделан, а деликатесные кушанья, приготовленные из свежей левиафанины, раздадут праведникам в раю. Шкура послужит для постройки шалашей в праздник суккот.

Расчетливые писакки предусмотрели возможность остатков, которые не должны пропасть. Избыток мяса будет продан на рынке, а неиспользованные куски кожного покрова разложат поверх стен Иерусалима, и они заблестят на солнце. Каково мне все это читать? Сердце сжимается от боли!

Утверждается, что у меня якобы была супруга. Ее будто бы убили, а мясо засолили на длительное хранение. Нежную женскую плоть употребят в пищу вместе с моим мясом, когда, по расчетам литературных палачей, придет срок покончить со мной.

Не помню, чтобы я был когда-либо женат, но и не оспариваю этого. Со стороны виднее. Возможно, я вдовец. В таком случае, жестокие преследования моей семьи действительно имели место.

Я уж говорил, что мясо левиафана кошерно благодаря чешуе и плавникам. Конечно, соблюдающим традиции иудеям это приятно, спору нет. А если подумать о моих чувствах? Разве факт собственной кошерности может радовать меня? Наоборот, всякое упоминание о нем звучит грозным колокольным звоном смерти, и душа трепещет.

Вновь я хочу обратиться к неприятной истории о спасении Ионы. Пророк сообщил мне, что он, действуя по поручению Бога, намерен доставить меня к Всевышнему. Якобы пробил мой смертный час, и я буду умерщвлен на Небесах, тушу мою подвергнут разделке, а мясо скормят праведникам в раю.

Читатели, однажды простившие мне уличный жаргон, простят и во второй раз. Скорее всего, Иона “брал меня на понт”. Однако осмотрительность не позволяет расслабляться. Кто знает, что родит день, и разве есть нам опора в зыбком настоящем и в туманном будущем? Я поспешил скрыться, и уж казался себе не могучим гигантом, но жалкой и ничтожной личностью – непривычное, унижительное ощущение.

Теперь я вернусь к бегемоту и зиз. Оказывается, досужие мудрецы предвещают сим величайшим представителям земной и небесной фауны такую же жалкую судьбу, как и мне. Они оба должны быть убиты и вместе со мною съедены праведниками в раю. Вскипает возмущенный разум, едим ядовитым соком наливаются гроздья гнева.

Утешением может служить только то соображение, что праведность является весьма нехарактерным качеством людей, и поэтому обитель блаженных населена слишком редко.

Я думаю, по этой причине старший над раем ангел Михаэль не поторопится превращать трех живых гигантов в мясные туши. Ведь даже при наличии очень большого аппетита, незначительному числу праведников не одолеть огромное количество пищи, и основная часть продукта будет продана на рынках Иерусалима, а то и просто пропадет. Уповая на домовитость и бережливость Михаэля, я надеюсь, что у нас с бегемотом и зиз есть еще время пожить.

Мне не известно, осведомлены ли бегемот и зиз о злонамеренных околотитературных опусах мудрецов, предрекающих нам печальный конец. Между нами эта тема никогда не обсуждалась. Допускаю, что они пребывают в неведении, и если так, то я последний, кто возьмется сообщить им дурную весть. В нашем тревожном мире и без того слишком много несчастных, и я не стану увеличивать их число.

Глава 5 Половой вопрос

Я представил вниманию читателей подлинную историю своего происхождения, выпукло показал личные совершенства, такие как огромная величина тела, физическая мощь, красота и ум, открыл многообразие моих социальных контактов. Соответствующие главы несут внушительный заряд оптимизма и создают представление о сравнительно безоблачном бытии не имеющего себе равных и заслуживающего совершенного счастья существа, каковым являюсь я.

В предыдущей главе, гораздо менее отрадной, нежели первые три, я поведал о разглагольствовании толковников, захлеб и вдохновенно выдающих на-гора сотни книжных

страниц (бумага терпит что угодно!) с жестокими прорицаниями моей будущности – якобы мне предстоит стать кормом для людей, ухитрившихся уклониться от естественных человеческих грехов. Вместе с тем мною выражена тревога в связи с не поддающейся объяснению пассивности Господа в этом вопросе.

Настоящую главу я посвящаю обзору талмудических писаний, касающихся половой жизни сотворенных Господом гигантских животных. Я буду говорить прежде всего о самом себе, морском исполине, затем коснусь проблем земных великанов бегемота и орикса и, конечно, не оставлю без внимания небесные создания – зиз и холь.

Не хочу, чтобы меня упрекали в предвзятости. Я имею в виду свое отношение к талмудистам и их сочинениям. Да, я гневно протестую против колдовского карканья по поводу моего предназначения в пищу святошам. Однако в то же самое время я с похвалой отмечаю девственную моральную чистоту мудрецов, подходящих к вопросу половой жизни творений Господа исключительно с позиций законного брака и никак иначе. Предвзятость есть тяжкое преступление интеллекта. Повторяю, мне не нужны лишние обвинения, и без того народная молва повесила на мою шею всех собак.

Выше говорилось о том, что якобы в далеком прошлом у меня была супруга – не запечатлевшийся в памяти, но и не отрицаемый мною факт. Примем его как реальность в целях продолжения исследования. Закономерен вопрос: где же она сейчас пребывает, подруга моей жизни? Оказывается, ее попросту нет на свете!

О судьбе моей жены были высказаны различные версии. Одна из них, принадлежит упомянутому прежде знаменитому толковнику. Он утверждал, что якобы я убил ее. Не больше и не меньше!

И вот, я возвышаю мой голос. Граждане книгоеды! Вы же не только слепою верою проживаетесь, но и разумом тоже! Теперь, по прочтении большей части сего жизнеописания, когда вы наверняка прониклись благоговейным почтением к моим совершенствам, неужели вы примите всерьез утверждение о том, что я, который даже сомика-пигмея не обидит, способен на убийство?

Мне приписывается душегубство – какая нелепость! Если даже взять это бредовое утверждение в качестве рабочей гипотезы, то совершенно невозможно вообразить себе мотив преступления. Ревность – чушь! Неисполнение супружеского долга – абсурд. Уклонение от развода – ахинея. Манкирование обязанностями домашней хозяйки – вздор. Нет нужды продолжать. Вопиет здравый смысл и требует прекратить бессмысленную трату времени.

Не в обиду вам, людям, будет сказано, но распространенное среди вас насилие в семье совершенно чуждо нам, обитателям морей. Мы, твари разумные, тем и отличаемся от некоторых прочих, что замечаем, если убиваем.

Другая версия убийства моей супруги указывает на самого Бога как исполнителя трагического решения, принятого Им самим. К такому утверждению я вынужден отнестись серьезно. Тревога преследует меня. Отступает и возвращается вновь. Душа обливается кровью. Покоя нет. Плачь, сердце, плачь...

Некоторые сочинители объясняют этот поступок Господа желанием не допустить уничтожение слабых видов фауны. При этом они опираются на априорное (и неверное!) предположение о якобы моей хищной природе. Мол, если позволить левиафану создать семью и плодить потомство, то народившиеся особи вместе с родителями пожрут более мелких представителей

животного мира морей. Поэтому, дескать, Бог счел за благо пресечь всякую возможность размножения своего любимца.

Эти толкователи великодушно наделяют Всевышнего благородным желанием охранять природу, Им самим же созданную. Жаль только, что они не замечают, как бездумно приписывают жестокость доброму Богу, отнимают у Него истинное милосердие в отношении к своим творениям и отказывают Ему в способности принимать нетривиальные решения в нестандартных ситуациях.

В этом пункте повествования я позволю себе небольшой научный экскурс. Нет ничего проще, чем утверждать о существовании причинной связи между двумя явлениями, когда совершенно исключено воспроизведение этих явлений, и никакая проверка истинности утверждения не возможна.

О чем это я? А вот о чем. Если одни толкователи узрели подоплеку убийства моей супруги в стремлении Господа не допустить ущерба природе, то нашлись и другие мудрецы, которые указали иную и несомненную, по их разумению, причину, побудившую Всевышнего к безжалостной акции.

Якобы наше с женою брачное совокупление до такой степени бурное и производит столь ужасный шум, что смертельно пугаются обитатели морей, суши и неба, в мировом океане поднимаются гигантские волны и губят корабли, ураганы вырывают с корнем деревья, реки начинают течь вспять, гул катастрофы долетает до рая и отвлекает праведников от изучения Книги книг.

Иными словами, причина того, что я навеки оставлен вдовцом, осужден не знать восторгов интимной жизни в рамках семьи, обречен влачить жалкое холостяцкое существование, не ведая семейного счастья, обделен прямыми потомками и, наконец, лишен возможности радоваться внукам и правнукам – всему этому причина, как полагают мои гонители, слишком бурный половой акт.

Да ведь это нонсенс! Стыдитесь, сочинители небылиц! Своими умозрительными спекуляциями вы варварски прекращаете мой род, порывая связь времен! Ваше неразумие вы косвенным образом относите на счет Господа, а это непростительный грех. С такими богохульными намеками на узость кругозора Всевышнего не бывайте вам праведниками, не попасть в рай и не есть моего мяса!

Во всем, что касается моей жизни, сочинители проявили изобретательность, достойную лучшего применения. Хотя напрасно я так сильно разгорячился. Как я уже говорил, вполне возможно, что никакой жены у меня сроду не бывало.

Теперь обратимся к прошлому и настоящему половой жизни сухопутных гигантов. Вернее, к писаниям талмудистов, серьезно озабоченных этой темой. Начнем с бегемота.

Для начала я отмечу, что, если твари морские и небесные были созданы Всевышним в пятый день Творения, то сухопутные существа возникли только через сутки, то бишь, в день шестой. Сотворение бегемота с опозданием на двадцать четыре часа против моего появления на белый свет по всей вероятности оказало смягчающее действие на палаческие помыслы сочинителей. Как бы там ни было, но нет речи об убийстве, и это само по себе хорошо, хотя, если вдуматься, биографы бегемота и в данном случае отличились характерным для них жестокосердием.

Написано мудрецами, что Бог создал самца и самку бегемота. Это тривиальная констатация. Далее высказано бездоказательное утверждение, будто бы размножение вида чревато гибелью целых популяций более мелких живых существ, которые якобы будут съедены расплодившимися без меры бегемотами. Знакомый мотив, не правда ли, дорогие читатели?

В посильную для них меру мудрости, составители жизнеописания бегемота преодолевают на книжных страницах ими самими изобретенную закавыку. Бегемота-самца они оскостили, а его супругу “охладили”. Вот так, просто и убедительно, в чемпионской манере, с помощью пера и чернил была решена глобальная проблема экологии (замечу – мнимая проблема).

Смысл слова “охладили” понятен из контекста. Но не сказано, что за средства применялись для достижения эффекта – фармакологические, хирургические или еще какие-либо. Впрочем, требования к авторам должны быть пропорциональны их развитию.

Я спрашиваю себя, является ли вынесенный супружеской чете бегемотов приговор более гуманным, нежели мой? Признавая изощренную жестокость, допущенную в отношении сухопутных гигантов, я все же думаю, что их положение предпочтительнее. Они не одиноки, вроде меня. Никогда не имевшие детей, живут они друг для друга, как старосветские помещики, в любви и согласии.

Сочинители назначили незавидную судьбу ориксу – большой саблерогой антилопе. Я уж говорил о бедствиях супружеской жизни этого вегетарианца, моего сухопутного друга, вся вина которого состоит в крупных размерах его тела. Бедняге пришлось испытать на себе самые изощренные методы литературного злодейства.

Вероятно, читатели уже обратили внимание на один неизменно повторяющийся прием, который используют ординарные и завистливые составители талмудических опусов для создания препятствий к размножению необыкновенных видов. А именно: применяются различные способы ликвидации детородной активности особей. Вообще, как я заметил, просматривается повышенный интерес упомянутых авторов к половому вопросу.

Итак, что же наши летописцы удумали сотворить над травоядным ориксом? Оказывается, они разбили его семью, разлучив супругов, и поселили их в отдалении друг от друга, дабы те не могли слишком часто вступать в интимную связь. Приводится все тот же апробированный довод о сохранении жизни мелких тварей, но, в данном случае, он совершенно надуман и не работает, ибо орикс вегетарианец.

Дух благородства не позволил сочинителям вчистую лишить антилопу наслаждения. Поэтому они великодушно разрешили мужу и жене совершать половой акт один раз в семьдесят лет. Ориксы находят друг друга и совокупляются. Однако происходящие далее события катастрофичны, и их смысл не укладывается в моей левиафановой голове. Немедленно после оплодотворения самка должна начать безжалостно бить копытами самца и продолжать экзекуцию до тех пор, пока тот не умрет.

Беременность будущей матери продолжается двенадцать мучительных лет, по истечении которых на свет появляются двое детенышей различного пола, а роженица умирает в страшных муках. Достигнув половой зрелости, молодые ориксы разлучаются и сходятся вновь по достижении семидесятилетнего возраста. Далее они повторяют историю своих родителей, и так без конца.

О половой деятельности обитателей воздушных просторов в книгах говорится скупно. Толковники мало пишут о самцах, самках, супружестве и совоуплении птиц. Возможно, именно поэтому интимная сфера жизни пернатых выглядит вполне благополучной.

О птице зиз сказано, что птенцы ее достаточно сильны, чтобы без помощи матери самостоятельно вылупляться из яйца. Отрадно. Я искренне радуюсь за мать и дитя.

Малютке холь тоже не требуется материнское содействие для вступления в жизнь: он сам разбивает изнутри яичную скорлупу. При этом, как отмечалось выше, нововылупленный является клоном (или что-то в этом роде) собственной матери.

Эпилог

Я, левиафан, представил взору читающей публики мое жизнеописание от пятого дня Творения до настоящего момента. Мой литературный опус раздвинул горизонт представлений человека о животном мире во всем его многообразии.

Я бескомпромиссно столкнулся факты собственного совершенства с вымыслом незадачливых толкователей Книги. Ясный ум и высокий дух благодарных читателей, ценителей моих достоинств, получили поучительный пример отделения правды от лжи, беспристрастия от несправедливости, доброжелательства от зависти.

Настоящий литературный труд охватил основные мотивы рассказов мудрецов по моему поводу. Можно, конечно, сделать кое-какие дополнения, которые, однако, не принесут существенно нового содержания в мое исследование. Так, например, пророк Исайя утверждает, что левиафана убьет Господь. В другом источнике роль моего палача отведена ангелу Гавриилу. Я думаю, нет смысла продолжать слишком знакомые перепевы старых песен.

Иной раз я спрашиваю себя, как я отношусь к своему прошлому и настоящему? У меня нет простого ответа на сложный вопрос. В жизни моей было и есть добро, но все же тревога и грусть снедают душу. На сегодняшний день положение мое относительно стабильно. Существует мнение, что отсутствие плохих новостей есть новость хорошая. Такой подход к действительности кажется мне чересчур успокоительным, по существу самообманным, чтобы не сказать лицемерным. Отсутствие плохого есть всего лишь отсутствие плохого. А хорошее – это совсем другая материя. Нельзя передвигать начало отсчета.

Брошу беглый взгляд в будущее. Представим себе наихудший сценарий. Население рая неизмеримо возросло, нечем стало кормить толпу голодных праведников, и в пищу им назначают лучшие творения Господа. Если несчастье все-таки произойдет, то, надеюсь, не я, а бегемот станет первым кандидатом на съедение. Ведь он сотворен на сутки позже меня. Как говорится, последний пришел – первый ушел. Думаю, такая последовательность событий абсолютно справедлива.

До сих пор судьба была благосклонна ко мне, но кто знает, кто знает... Поэтому, дорогие мои читатели, тем из вас, кому случится прожить праведную жизнь и удостоиться места в раю, возможно, повезет отвесть моей плоти – деликатесного мяса левиафана.